

Кавказская старина

Очерк восьмой

Самсон Макинцев и русские беглецы в Персии

Самсон Яковлевич Макинцев был вахмистром Нижегородского драгунского полка, дезертировавшим в Персию. Малоросс по происхождению, уроженец Кавказской линии, он бежал за границу еще в 1802 году. Историки до сих пор не имеют достоверных сведений о том, как прошли его первые годы жизни на чужбине. Вероятно, свыкнувшись с жарким климатом и овладев местным языком, он стал промышлять ремеслом или поденной работой, нанимаясь к зажиточным местным жителям. Самсон Яковлевич твердо решил посвятить себя военному делу и с этой целью устроился наемным солдатом в персидскую армию. Персидские военачальники охотно принимали в свои войска русских дезертиров (сарбазов), выгодно отличавшихся знанием военного дела и дисциплиной. Его карьера быстро пошла в гору, практически сразу он был представлен наследнику престола Аббас-Мирзе и вскоре зачислен наибом (прапорщиком) в эриванский полк, находившийся тогда под командованием Мамед-хана. Немного спустя экс-вахмистру был пожалован чин султана (капитана). Буквально с первых дней в Персии Макинцев обращал внимание на других русских дезертиров, вынужденно

Сарбаз. Рисунок 1827 г.

принявших ислам. Решив прекратить подобные случаи, он занялся активной вербовкой своих единомышленников. Вскоре русские дезертиры стали составлять половину состава полка. Таким образом он быстро сыскал уважение своих единомышленников, которые стали активно выражать недовольство против своего предыдущего командира – Мамед-хана, и переходить под командование Самсон-хана. Помимо прочего, Макинцев пытался склонить своих солдат к семейной жизни. С этой целью его полк стоял то в Мараге, то в Урмии или Салмесе – в тех местностях, где преобладало христианское население. Эта последняя мера, помимо чисто нравственной пользы, имела и другое весьма важное значение, так как христианские семейства через такое родство приобретали защитников среди персов. Макинцев стремился дать солдатским детям первоначальное образование, приказывал отдавать их в армянские школы, причем впоследствии одних зачислял в свой полк, других же отдавал для обучения ремесленникам. Благодаря такой политике Самсон-хана состав полка пополнялся все новыми беглецами. Но не пренебрегал он и захватом.

Академик Берже упоминает в своем сочинении источники, указывавшие на это:

«Причины побегов из Хойского отряда солдат, – писал князь Кудашев к графу Паскевичу от 5 октября 1828 года, – те, что бывший драгунского полка вахмистр и теперь находящийся при Аббас-мирзе в большой доверенности Самсон, стараясь сколько можно увеличить число русских беглых, посылает уговаривать солдат, и напивая вином, когда солдаты бывают в командировке, захватывает оных. Наши же солдаты, зная, в какой доверенности у Аббас-мирзы сей носящий генеральские эполеты Самсон и о выгодах бежавших к нему, соглашаются на сие при удобных случаях».

В 1832 году Макинцев сопровождал Аббас-Мирзу в его походе против Герата. В одной из вылазок афганцы потерпели поражение, заставившее их укрыться в цитадели Роузэ-гах. Взятие этого укрепленного пункта было поручено Самсон-хану, который овладел им без особого труда. Однако против русских Макинцев наотрез отказался сражаться. «Мы клялись, – говорил он, – на святом евангелии не стрелять в своих единоверцев и клятве нашей не изменим!». На обратном пути из Герата Аббас-мирза скончался в городе Мешель. Произошло это 10 октября 1833 года. Через год не стало и Фетх Али-шаха. На престол взшел внук покойного шаха Мамед-Мирза. Самсон-хан поддержал молодого государя и

Капитан Альбранд

обеспечил ему охрану. Новый шах прибыл в Тегеран, не встретив по пути никакого сопротивления, поскольку войска, высланные Зилли-султаном, перешли на его сторону и вместе с жителями столицы признали власть своего законного государя. Положение Макинцева не изменилось и при новом правительстве.

В 1837 году император Николай I, путешествуя по Кавказу, посетил Эривань. Мамед-шах, находившийся тогда под Гератом, выслал делегацию для приветствия царственной особы. Государь принял делегацию и выразил желание шаху, чтобы батальон, составленный в Персии из наших дезертиров был распущен, а русские солдаты вернулись на родину. Самсон-хану было обещано прощение, если он приведет свой батальон к русской границе и сдаст властям. С учетом тридцатилетнего пребывания в Персии, Макинцев вправе был сам решить, где ему жить. Шах согласился с императором, приказав собрать всех перебежчиков и передать их русскому консулу капитану Альбранду. Но перед роспуском войска капитан пожелал лично встретиться с Макинцевым, осознав, что этого человека, составившего себе в новом отечестве имя и богатство, почти невозможно убедить

вернуться в Россию, где он потеряет все свои преимущества. Поэтому Альбранд сделал ставку на религиозные чувства. В результате этой беседы Самсон-хан пообещал не препятствовать выводу батальона из Персии, но уклонился от прямого содействия этому делу, чтобы не вызвать против себя гнева правительства, на службе которого решил остаться. Ведь шах прекрасно понимал, что уход русских солдат ослабит его армию и всячески мешал выводу войск. После встречи с Макинцевым отряд Альбранда стал быстро расти. Из Персии в Россию вернулось 597 дезертиров с женами и детьми. С выводом из Персии русского батальона Самсон-хан потерял значительную часть своего влияния.

Макинцев поселился в Тавризе и принялся за формирование нового полка, в состав которого вошли и дезертиры, которые предпочли остаться в Персии. Спустя несколько лет он снова участвовал в военных действиях, и как и прежде, оказывал правительству Персии неоценимые услуги. Последние годы правления Мамед-шаха ознаменовались восстанием в Хорасане. Для его подавления шах снарядил восьмитысячный отряд, в состав которого вошел и батальон Самсон-хана. Как только русский батальон появился в Тегеране, шах потребовал Самсон-хана к себе, чтобы посоветоваться, кого поставить главнокомандующим карательным отрядом. Согласившись с его мнением, Мамед-шах остановил выбор на своем родном брате Гамза-Мирзе, назначив его управляющим

и главнокомандующим Хорасанской областью. Повелитель при этом выразил непременную волю, чтобы брат во всех начинаниях следовал указаниям Самсон-хана и ни в коем случае не принимал важных решений, не посоветовавшись с ним.

К чести Гамза-мирзы, он свято исполнял волю своего брата. Во время похода в Хорасан главнокомандующий оставил в городе Мешед Самсон-хана и его отряд в 300 человек, две трети которого составляли русские беглецы. Сам же Гамза-мирза поспешил в Буджнурд, где гарнизон правительственных войск был вырезан восставшим отрядом Салара, причем одним из первых пал эмир-туман Мамед-Али-хан. Траурную процессию еще за городскими стенами встретил отряд, посланный Самсон-ханом. Смерть эмира отозвалась болью в сердце не только в столице Хорасана, но и в шахской резиденции. Блюститель веры Мешед, мечтавший быть хозяином в городе, заметно приободрился, увидев, сколь малочислен отряд русских сарбазов. Он предложил Самсон-хану встретиться по весьма важному делу.

Самсон-хан не пошел к нему, а послал Симон-бек. Последний, отправляясь к шейху-аль-исламу, совершенно случайно взял с собою находящегося у него в услужении несторианца по имени Мхро, отличавшегося чрезвычайно безобразной наружностью

Поговорив о делах, шейх-уль-ислам спросил Симон-бека:

– Я полагаю, что у вас в крепости много войска; между тем вчера, на похоронах Мамед-Али-Хана заметил, что едва ли вы имеете более двухсот человек. Неужели вы не боитесь с ними оставаться в Мешед?

– Нет, – отвечал Симон-бек, – вы ошибаетесь. У нас, слава Аллаху, кроме сарбазов, есть еще до 1000 человек солдат-людоедов, которых мы не выпускаем из крепости, опасаясь, чтобы они не пожрали детей, женщин и даже мужчин, а что еще хуже, не разрыли бы свежих могил. Войско, которое вы вчера видели на похоронах, было не из тех людоедов... И в качестве доказательства пригласил своего слугу-несториянца. Увидев его, шейх-уль-ислам обомлел: лицо его вытянулось, он долго не мог вымолвить и слова...»

Самсон-хан принял шейх-уль-ислама с подобающей его сану почестью, а так как это было около полудня, то пригласил его позавтракать. Подойдя к столу, Самсон-хан налил себе водки и, прежде чем ее выпить, снял шапку и перекрестился. То же самое он повторял каждый раз, когда наливал себе вина. Когда правительственные войска овладели Келатом, шах, обрадованный этим известием, немедленно отправил на имя Гамза-Мирзы указ, которым повелевалось поручить Самсон-хану снять план названной крепости и выехать в Тегеран для личной передачи

Его Величеству всех подробностей, сопровождавших овладение этим столь важным пунктом. Но Гамза-Мирза, сознавая, что отсутствие Самсон-хана поставит его в величайшее затруднение, решил удержать его подле себя, а исполнение шахской воли возложить на Симон-бека. По прибытии в Тегеран гонец немедленно был представлен шаху. Его Величество, прочитав привезенные донесения от Гамза-мирзы и Самсон-хана, взял план Келата и начал слушать обстоятельный рассказ его покорения, причем так увлекся изложением Симон-бека, что тут же возвел его в ханское достоинство, с пожалованием ему ордена «Льва и Солнца», украшенного алмазами и 60 туманов деньгами, упомянув по этому случаю, что «награждает его не только за собственную службу, но и за службу Самсон-хана». В начале марта 1849 года 101 пушечный выстрел возвестил Тегерану о том, что хорасанский бунт подавлен.

Сарбазы. Рисунок 1828 г.

Правительственные войска получили приказ возвращаться на места дислокации. Причем предписывалось идти отдельными отрядами, что вызвало протест полковых командиров: каждый хотел быть впереди, чтобы успеть поживиться за счет сельских жителей. Не спешил только один Макинцев. Недовольные этим офицеры и сарбазы составили против него заговор. Однако преданные слуги предупредили Самсон-хана. Переодевшись в женское платье, он выбрался по крышам домов за город и на лошадях, в сопровождении свиты, бежал в Тегеран, где его ласково принял шах. Главные зачинщики заговора подверглись строгому наказанию. Под начало Самсон-хана были отданы полки Хойский и Марагский, с приказом возвратиться в Хорасан. Спустя полгода в возрасте 73-х лет Семен Яковлевич Макинцев скончался, завещав похоронить себя в деревне Сургюль, близ Тавриза в возведенной на его средства церкви.

